

ГЕОПОЛИТИКА ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ЕВРАЗИЙСКОГО КОМИТЕТА
МЕЖДУНАРОДНОГО
«ЕВРАЗИЙСКОГО
ДВИЖЕНИЯ», ДИРЕКТОР
ФОНДА «ЦЕНТР
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ЭКСПЕРТИЗ»

Александр Гельевич
Дугин

Одной из удобных методологий, позволяющих оперировать с темой стоимости полезных ископаемых на практике, является геополитика. Если взглянуть на земную карту основных крупных месторождений глазами геополитика, мы получим в высшей степени поучительную модель, легко объясняющую многие темные стороны современной политической и экономической истории. Геополитику можно назвать «политическим психоанализом, привязанным к пространству».

Тема природных ресурсов, их местонахождения, доставки, рынков сбыта, вписанная в конкретные пространства, где живут народы, пролегают конкретные политические, этнические, религиозные, национальные культурные, цивилизационные границы, – это тема геополитики. С точки зрения геополитики тематика природных ресурсов (как и все, что связано с пространством, землей и почвой) является важнейшим качественным параметром, имеющим отношение к человеческому обществу и логике пространственного развития человеческой истории.

Очень важный момент здесь – именно переход к геополитике природных ресурсов: от чисто экономического подхода, который описывает эту тему поверхностно – что, где находится, на сколько ресурсов хватит человечеству, где, что и кому выгоднее продать, как и куда удобнее доставить, где переработать и т.д., – к более сложной картине, где собственно экономические пока-

затели и расчеты ставятся в зависимость от более глубоких и неочевидных процессов. Перевод темы экономики природных ресурсов в геополитическую плоскость дает нам новое понимание множества труднообъяснимых закономерностей – почему, например, разрабатываются одни месторождения и не разрабатываются иные, казалось бы, более привлекательные? Почему маршруты доставки полезных ископаемых сплошь и рядом выбираются не самым оптимальным с чисто экономической точки зрения образом? Как связаны политические процессы в основных ресурсодобывающих странах с наличием полезных ископаемых и т.д.?

Не осмыслив этого, Россия не сможет строить адекватную стратегию в сфере ресурсов. А без внимательного учета геополитических факторов мы всегда будем наталкиваться в этой области на препятствия, природа и структура которых будут попросту ускользать.

РЕСУРСЫ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МИРА

С геополитической точки зрения существуют две основополагающие модели (два базовых проекта) обращения с реальным пространством нашей планеты. Эти проекты по-своему и в соответствии со своими целями учитывают специфику развития различных регионов, культур, цивилизаций, этносов, политических систем, стремясь поместить их в собственный контекст. Так как природные ресурсы, будучи ограниченными и имеющими стоимость и, более того, будучи принципиально важными для технологического развития отдельных регионов Земли и всего человечества, представляют сегодня фактически поле конкуренции и борьбы за цивилизационное выживание, то оба геополитических проекта предполагают свой макросценарий по оперированию с ними. Он включает весь цикл: разведку месторождений, их разработку, переработку ископаемых, доставку и сбыт. В реальной жизни пока не существует единого человечества,

единой системы управления. Поэтому тезисы о контроле над природными ресурсами и управлении ими не могут разбираться абстрактно, в утопическом ключе – как «осознанная задача всего человечества, стоящего перед проблемой оптимизации этой жизнедеятельности». К сожалению, до сих пор существуют антагонистические противоречия между различными регионами Земли, и если они перестали формулироваться в колониальных или идеологических терминах, это еще не значит, что они исчезли. Геополитическая оценка этих противоречий является наиболее взвешенной и объективной.

Если мы сделаем краткий экскурс в геополитическую картину мира, то сразу же поймем, в чем суть проблемы, например, ближневосточных нефтяных ресурсов и какие основные параметры должна учитывать Россия при работе с долгами бывших развивающихся стран, сопряженными с полезными ископаемыми.

Геополитическая модель, развитая англичанином Х. Макиндером, американским адмиралом Мэханом и др., предполагает, что существуют два фундаментальных геополитических образования, тяготеющих к глобальному формату, – силы Суши (теллуократия, евразийство) и силы Моря (талассократия, атлантизм). Это было написано еще в конце XIX – начале XX века, и мы видим, что история прошлого столетия полностью подтвердила правоту этих прогнозов. Эти два полюса представляют собой два антагонистичных начала – не в классовом, а в пространственном смысле. Основой полюса Суши (Евразии) является так называемая heartland, «сердцевинная земля», которая лежит в глубине российской территории, это – оплот теллуократии. Противоположное «островное могущество», «морское могущество» (sea power), называемое также «талассократией», находится либо в береговом секторе (на начальном этапе), либо в океаническом секторе (на более поздних этапах). Между этими двумя геополитическими началами разворачивается противостояние, связанное с цивилизационной, технологической, стратегической и культурной сторонами жизни. Напрямую затрагивает оно и область природных ресурсов.

Согласно классической формуле Макиндера, «тот, кто контролирует Евразию, контролирует мир». Способ этого контроля над Евразией может быть двойным. И это принципиально.

Континентальный способ контроля над Евразией предполагает преобладание импульса, исходящего изнутри континента, из heartland'a. В геополитике название политического образования, контролирующего на данный момент heartland, не принципиально – будь это Российская империя, Советский Союз, демократическая Россия, СНГ или какое-то новое образование, которое может возникнуть на этой территории.

Задача сухопутного полюса – максимально расширить свое влияние на те зоны, которые лежат между heartland'ом и акваторией, омывающей Евразийский материк, максимально интегрировав их в стратегическом и экономическом смыслах. Естественно, то же самое касается и ресурсов. Евразийский подход к ресурсам состоит в создании единой ресурсодобывающей и ресурсоперерабатывающей сферы на максимально широком простран-

стве континента. Это определяет требования к пространственному размещению транспортных сетей, газопроводов и нефтепроводов, в частности позиционированию центров переработки, способов доставки вторичной продукции и т.д. Относительно доставки ресурсов можно сказать, что евразийский проект состоит в связывании каждого конкретного месторождения с внутриконтинентальными пространствами. Если мы учтем этот факт, то станет понятно все геополитическое значение газопроводов и нефтепроводов, связывающих российские, центрально-азиатские и кавказские месторождения с Европой (и Тихоокеанским регионом) континентальной сетью. Консолидация евразийских ресурсов в континентальном фокусе усиливает общий геополитический потенциал Евразии.

Существует вторая модель контроля над Евразией (и, соответственно, над природными ресурсами), это – контроль внешний, со стороны Моря (талассократии). Этот тип (атлантического) контроля над той же ключевой стратегической зоной предполагает внешнее освоение «берегового пространства» (rimland), которое отделяет «сердцевинную землю» от теплых морей. Эта вторая модель связана исторически с англосаксонским могуществом, Британской империей и США – другим англосаксонским государством, к которому постепенно перешла талассократическая миссия и которое сегодня фактически правит миром. В этом случае предлагаемая геополитическая модель совершенно другая. Речь идет о связывании структуры «береговых пространств» с заокеанским центром силы и о манипулировании планетарной стратегией с помощью контроля над водными просторами – морями и океанами. Если евразийский сухопутный импульс стремится интегрировать материковое пространство, то атлантический, морской импульс, напротив, ставит своей целью не допустить этой интеграции, преградить доступ к теплым морям, установить контроль по всему периметру береговых пространств. Если говорить о природных ресурсах, то здесь также напрашивается альтернативная система их разработки, переработки, транспортировки и сбыта. Транспортировка производится преимущественно морскими путями с помощью танкеров.

Таким образом, не существует единого плана энергетического развития планеты, разработки природных ресурсов – имеются как минимум два плана.

То, с чем мы имеем здесь дело, – это не просто противостояние двух идеологических систем. С точки зрения геополитики идеологические системы могут быть очень похожи (Британская и Российская империи) или противоположны (например, капиталистическая и социалистическая), а могут быть тождественны (демократия, одинаковая в основных чертах как в России, так и на современном Западе). Конкретная форма, в которую облакаются геополитические противоречия, второстепенна, суть же остается неизменной. Даже в том случае, если это противостояние, эта борьба за модели освоения, переработки и сбыта тех или иных природных ресурсов разворачиваются в форме цивилизованного диалога, ситуация остается крайне напряженной.

Вопросы о том, какие месторождения следует развешивать, каким образом они будут влиять на экономи-

ку регионов, как лучше доставлять природные ресурсы и куда, на какие рынки, не могут быть рассмотрены в исключительно энергетическом и экономическом смысле, в отрыве от геополитики. С точки зрения чисто энергетической или чисто экономической мы никогда не объясним множество явлений, связанных с этой сферой. За покровом цифр, данными геологоразведки, информацией о создании холдингов и прочим скрыты глубокие геополитические тенденции.

Если говорить о евразийском подходе к проблемам энергоресурсов, то мы приходим к необходимости выработки самостоятельной евразийской концепции их извлечения, развития, переработки и транспортировки. Причем эта модель, по определению, должна существенно отличаться от того, как видит эту проблему атлантический полюс и, соответственно, как она трактуется в глобализме. России как стране, совпадающей геополитически с пространством heartland'a, выгодно (не только в долгосрочном, но и в краткосрочном аспекте) развитие собственных месторождений, внедрение своих технологий, укрепление присутствия на тех базах добычи, которые находятся вблизи ее границ, в странах СНГ и далее – в Азии, странах Ближнего Востока. Кроме того, особое значение в этом ключе имеет развитие евразийских транспортных сетей. Естественно, данный проект не может развиваться исключительно на отраслевом уровне. Необходима целостная ресурсная, энергетическая политика государства, сформулированная на основе геополитической методологии.

«БЕРЕГОВАЯ ЗОНА»

И ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Что же представляет собой сегодня «береговая зона» – rimland, которая тянется от европейского пространства через Ближний Восток к Дальнему Востоку и Тихоокеанской зоне? Некогда сама Европа (особенно Англия и Франция) была полюсом Запада, фокусом атлантизма и выполняла в планетарном масштабе ту атлантическую и талассократическую функцию, о которой мы говорили выше. Когда в течение XX века центр тяжести атлантической системы сместился еще западнее, по ту сторону океана, уже сама Европа стала периферией атлантического сообщества. Этот процесс разворачивался постепенно, начиная с доктрины Монро, предполагавшей уже в первой половине XIX века вытеснение европейского влияния с Американского континента, и заканчивая доктриной Вильсона, провозгласившей, что США имеют отныне глобальные интересы, в том числе и в Европе. На данный момент Европа представляет собой некоторое «промежуточное пространство», контролируемое стратегически (включая сферу энергоресурсов) американским полюсом. Наличие 6-го флота США в Средиземном море, американская политика на Ближнем Востоке, подчинение европейской политики американским приоритетам – все это держит Европу в стратегической и энергетической зависимости.

Воздействуя с помощью различных инструментов на процесс энергоснабжения Европы, США сохраняют

и укрепляют над ней свой геополитический контроль. Один из самых важных рычагов этого контроля – участие США в ближневосточной политике, постоянный контроль над нефтедобычей и доставкой нефти в Европу из арабских стран. Для США важно соблюдать постоянный баланс нефтедобычи в этом регионе, ограничивая ее рост, чтобы у Европы сохранялась энергозависимость от североафриканского региона.

Совершенно обратная ситуация в Венесуэле, где для США, напротив, выгодно повышение объемов добычи нефти, так как от данного фактора в определенной мере зависит экономика самих США. И уж совсем не заинтересован атлантический полюс в развитии евразийского нефтедобывающего комплекса.

В настоящее время объединенная Европа, очень мощная экономически, безусловно, заинтересована в том, чтобы усилить свою энергетическую безопасность, которая является прямой предпосылкой дальнейшего возвращения Европы в историю как важного геополитического субъекта. В этом смысле она фундаментально заинтересована как в прямом взаимодействии с Ближневосточным регионом и проведении в нем своей, независимой от США ресурсодобывающей политики, так и в развитии евразийских месторождений и, соответственно, в транспортировке ресурсов по сухопутным маршрутам. Благодаря такой диверсификации поступления энергоресурсов Европа может сделать тот энергетический, а в конечном итоге стратегический и геополитический скачок, к которому она стремится как новый потенциальный субъект, получающий в этом случае большую степень свободы в проведении собственной геополитической стратегии в пространстве rimland.

В данном отношении вопрос о российско-европейских, российско-американских, российско-арабских отношениях в огромной мере предопределен размещением месторождений, их объемом, возможностью технологического освоения и статусом в международной политике, который имеет та или иная страна. К примеру, причиной нападения Ирака на Кувейт была именно несдержанность Багдада в стремлении получить прямой доступ к портам Персидского залива, открывающим Ираку возможность свободной поставки нефти во все страны мира, и в первую очередь в Европу. Но и само государство Кувейт было изначально специально создано англичанами для того, чтобы контролировать стратегическую зону богатого Междуречья через марионеточное образование, полностью лояльное по отношению к Великобритании и препятствующее прямому доступу к морским просторам. Заложенный в предыдущие столетия геополитический алгоритм остается действенным и в наше время. То же самое касается Ливии и Ирана. Императив атлантического контроля потребовал в определенный момент ограничения поставок энергоресурсов из богатых ливийских и тем более иранских месторождений, результатом чего стала международная изоляция этих стран, признанная под давлением США остальными государствами.

Россия как Евразия должна выстраивать свою ресурсную и энергетическую политику внутри страны и за рубежом исходя из собственных интересов, которые по

определению не могут совпадать с тем, что устраивает атлантический полюс. Не трудно сделать вывод, что в этом вопросе евразийские интересы России и энергетические приоритеты современного Евросоюза очень близки. Иными словами, и Россия, и Евросоюз заинтересованы в реорганизации ресурсной и энергетической политики на значительной территории *rimland'a*, «береговой зоны» от Европы до Ирана и Центральной Азии. И столь же очевидно, что США, напротив, заинтересованы в сохранении статус-кво.

Теперь обратимся к восточному сектору «береговой зоны», окаймляющей Евразийский материк. На Дальнем Востоке, в рамках Тихоокеанского региона существует пространство, которое во многих отношениях можно сопоставить с современной Европой. В первую очередь речь идет о Японии и ее геополитических и энергетических перспективах. Своих ресурсов в Японии нет, и это притом, что она представляет собой колоссальный рынок потребления энергоресурсов. В этом смысле между Японией и Евросоюзом существует почти полная аналогия, ей точно так же жизненно необходимы альтернативные способы поставки энергии, подключение к евразийскому потенциалу, его азиатской части. Ответственные правительственные и экономические круги Японии сегодня ясно отдают себе отчет в том, что зависимость от США в энергетической сфере ограничивает Японию и не дает ей усилить свой геополитический статус. Наиболее дальновидные политики, профессионально занимающиеся геополитическим анализом, глубоко заинтересованы в совместном с Россией освоении евразийских пространств. На основе этой логики возникла идея о создании системы транспортных сетей, которые связали бы японские острова с континентальной территорией Евразии. Реализации такого проекта препятствуют политические моменты и вопросы о Курильских островах. Ту же функцию выполняет тема Чечни, соблюдения «прав человека» в российско-европейских отношениях. В обоих случаях серьезной реорганизации геополитического пространства Евразии в выгодном для основных ее субъектов – России, Евросоюза и Японии – ключе препятствуют некоторые моменты, геополитическое значение коих представляется несопоставимо малым перед лицом той перспективы, которая открывается в сфере энергетического сотрудничества и совместной стратегии разработки природных ресурсов. Сама эта диспропорция наводит на мысль, что за этими «политическими» вопросами стоят фундаментальные интересы третьей стороны, заинтересованной в сохранении статус-кво...

Если спроецировать все высказанные соображения на более конкретную проблематику поиска инвестиций для геологоразведывательных проектов и развития энергоресурсов, мы получим совершенно однозначную картину.

Страны Запада и особенно США имеют максимум финансов и заинтересованности в развитии месторождений. Англосаксонский капитал и соответствующие технологии – наиболее мощные. Но с учетом геополитических закономерностей легко понять, что не всегда конкретные инвестиции со стороны этого полюса действительно спо-

собствуют развитию данной сферы, не всегда декларируемая цель будет реализовываться, так как все зависит не столько от экономической рентабельности и прибыльности проекта, сколько от надэкономических, геополитических стратегических интересов. Вполне возможны инвестиции с целью замораживания производства. Контроль над месторождениями природных энергоносителей, безусловно, является приоритетной задачей атлантического капитала. Развитие и эксплуатация их – совершенно иное дело, и здесь более недействительны никакие подсчеты и никакие объемы прибылей. Инвестиции атлантического полюса всегда имеют определенную геополитическую специфику. В «береговой зоне» и особенно во внутриматериковом пространстве Евразии они сопряжены со стремлением усилить контроль и вместе с тем затормозить процесс развития. Поэтому американские (шире – англосаксонские) инвестиции в эту область на всем пространстве Евразии имеют совершенно определенный характер и, несмотря на их привлекательность, могут привести не совсем к тем последствиям, которые изначально декларируются.

Теперь рассмотрим обратный вариант – возможность собственно евразийских инвестиций в эту сферу как в России (шире – СНГ), так и в «береговой зоне». Пока полноценных экономических инструментов для самостоятельной стратегии в этом вопросе у России нет. Следовательно, евразийский энергетический проект должен выстраиваться асимметрично относительно атлантического проекта в этой области. Россия (Евразия) может выступить в роли энергетического диспетчера в новой модели организации евразийского энергетического комплекса, предлагая альтернативный атлантическому алгоритм. Для этого у России есть все основания: и собственные месторождения, и пространственное расположение, ключевое для организации транспортных сетей, и особые отношения со странами СНГ и даже с некоторыми странами, рассматриваемыми как «парии» (Иран, Ирак, Ливия), и определенные навыки в энергодобыче, и серьезный интеллектуальный, логистический потенциал.

Мы также видим, что в случае Европы и Японии (шире – стран Тихоокеанского региона), напротив, наличествует дефицит самих природных ресурсов, пространства, политической свободы маневра, но вот именно финансово-инвестиционный потенциал имеется в полном объеме. Таким образом, евразийский проект приобретает вполне реалистичные черты, если учесть эту комплиментарность разных зон Евразийского материка.

Приведенные соображения делают актуальной выработку нового формата Евразийской энергетической стратегии. Так как здесь политика, экономика, энергетика, культура, история, дипломатия, отраслевые и технологические вопросы, конфессиональные и территориальные проблемы тесно переплетены между собой, то продвижение евразийского проекта требует объединения усилий многих инстанций – властных, силовых и отраслевых. Логичнее всего сосредоточить мониторинг этих проблем в единой консультационной структуре, объединяющей представителей правительства, силовых министерств и ведомств, магнатов энергетических

отраслей, интеллектуалов-геополитиков, финансистов и отраслевых специалистов.

В этом плане показателен пример с США, где подобные объединения давно существуют и действуют в высшей степени эффективно. Учитывая пошатнувшу-

юся роль США в плане глобального лидерства, для развития этого направления России необходимо развивать отечественные аналитические центры (think tanks), чтобы добыча и распределение ресурсов складывались в пользу Евразии.